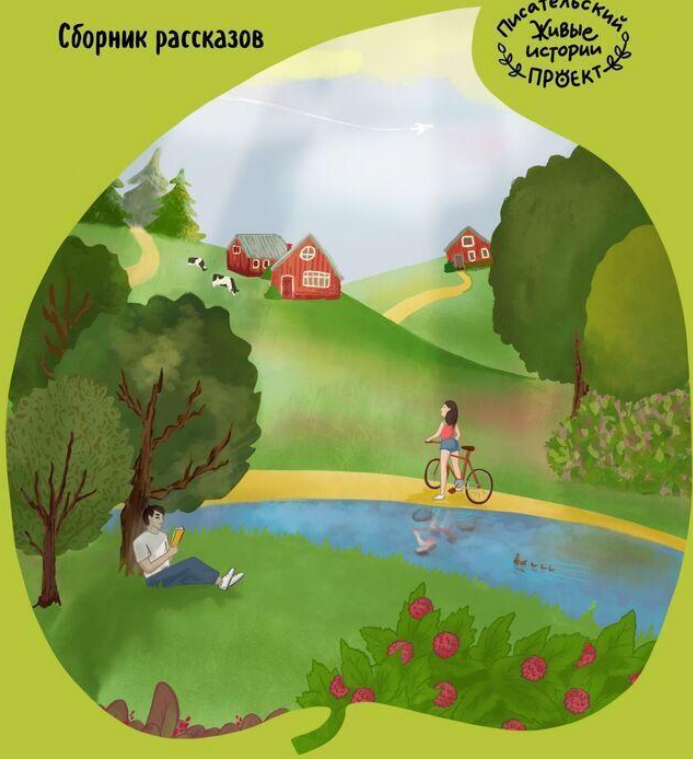
12+

Больше чем лето

Сборник рассказов

Писательский проект Живые истории

Айгуль Галиакберова
Алёна Василькова
Алёна Стимитс
Анастасия Чекмарева
Анна Голованова
Дарья Хоботкова
Елена Барышникова
Елена Климова
Зиля Вавилова
Илья Туманов
Ирина Шлапак
Ксения Орлова
Михаил Ленц
Светлана Громович
Светлана Дмитриева
Татьяна Мещерская
Татьяна Парамонова
Эйли Ван
Юлия Бут-Хагман

Больше чем лето

https://litres.ru/74928918
ISBN 9785007173346

Аннотация

Сборник «Больше чем лето», словно приоткрытое окно, впускает в комнату едва уловимые оттенки и запахи самого теплого времени года: аромат остывающего вечера, шепот листвы, пыль дорог. Здесь соседствуют разные стили — от тонкой психологической прозы и мягкой иронии до мистических мотивов и тихих голосов памяти. Лето живет в мелочах: в случайной паузе, мимолетном взгляде или бытовой детали, которая вдруг обретает особый смысл. Это книга для тех, кто ищет в прозе не только сюжет, но и чувство.

Содержание

Илья Туманов. АНАЛИЗИРУЙ ЛЕТО 7
Юлия Бут-Хагман. ДВА РАССКАЗА 18
Айгуль Галиакберова. ГОВОРЯЩАЯ С ВЕТРОМ 30
Эйли Ван. ЧЕМПИОН 45
Анна Голованова. КАНОЭ ДЛЯ ДВОИХ 58
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Больше чем лето

Авторы: Дмитриева Светлана, Барышникова Елена, Бут-Хагман Юлия, Вавилова Зиля, Ван Эйли, Василькова Алёна, Галиакберова Айгуль, Голованова Анна, Громович Светлана, Климова Елена, Ленц Михаил, Мещерская Татьяна, Орлова Ксения, Парамонова Татьяна, Стимитс Алёна, Туманов Илья, Хоботкова Дарья, Чекмарева Анастасия, Шлапак Ирина

Редактор Татьяна Парамонова
Редактор Алёна Стимитс
Редактор Ксения Орлова
Редактор Светлана Дмитриева
Редактор Светлана Громович
Корректор Алёна Стимитс
Дизайнер обложки Ольга Парамонова

© Светлана Дмитриева, 2026
© Елена Барышникова, 2026
© Юлия Бут-Хагман, 2026
© Зиля Вавилова, 2026
© Эйли Ван, 2026
© Алёна Василькова, 2026
© Айгуль Галиакберова, 2026
© Анна Голованова, 2026

© Светлана Громович, 2026
© Елена Климова, 2026
© Михаил Ленц, 2026
© Татьяна Мещерская, 2026
© Ксения Орлова, 2026
© Татьяна Парамонова, 2026
© Алёна Стимитс, 2026
© Илья Туманов, 2026
© Дарья Хоботкова, 2026
© Анастасия Чекмарева, 2026
© Ирина Шлапак, 2026
© Ольга Парамонова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-7334-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Туманов.
АНАЛИЗИРУЙ ЛЕТО

Рубашка противно липнет к телу, по ногам стекает пот — плотные брюки совершенно не пропускают воздух. В ботинки, сколько ни вытряхивай, все время забивается песок. Глаза слезятся от солнца. И почему я не догадался бросить в сумку шорты и футболку? Темные очки тоже не помешали бы. По правде говоря, времени подумать у меня не было, собираться пришлось быстро, схватил то, что под руку попалось. О командировке я узнал в последний момент — руководство отправило меня сюда вместо сотрудника, у которого заболел сын.

И так всегда — именно меня вызывают на срочную работу в выходные, просят задержаться по вечерам, посылают в самые дальние поездки. Наша фирма производит оборудование для консервных заводов и гарантирует сервисное обслуживание, вот и приходится мотаться по всей стране. Каких только консервов я не повидал. Трудно поверить, но некоторые даже воздух в жестяных банках умудряются продавать.

У нас в отделе только я не женат, живу один, и все считают, что у меня вагон свободного времени. Как холостому и бездетному, мне приходится уступать летний отпуск сослуживцам с чадами и домочадцами. Меня устраивает, я при-

вык, даже нашел в этом плюсы. Купил горные лыжи, осваиваю. Не какие-нибудь, между прочим, а Fischer. Ну не жениться же, в конце концов, ради более удобного графика. Да и коллеги довольны. Представляю их лица, если я сообщу, что завел семью и у меня будет ребенок. Рухнет налаженная система. Положа руку на сердце, в этот раз я даже обрадовался. За командировки неплохо платят, а мне надо подкопить на новую куртку от Mountain, зимой собираюсь в Приэльбрусье.

Через этот городишко проходит всего один поезд, и тот поздно ночью, а наладку конвейера я закончил еще в обед. Проторчал на заводе неделю безвылазно, благо в цехах работают кондиционеры. И вот теперь вынужден слоняться по улицам. Но вариантов нет, разве что болтаться полдня в единственном местном баре, но так и от командировочных ничего не останется. Да и заведение это не внушает доверия.

Ноздри раздражает запах жареной рыбы. Наглые чайки чуть не садятся на голову. Одна на моих глазах даже выхватила бургер из рук колоритной дамочки. Вдоль линии пирсов невозможно шагнуть, чтобы не пришлось отбиваться от навязчивых предложений: «Незабываемая прогулка на катере!», «Рыбалка с яхты!», «Дайвинг в открытом море!». Наконец причалы позади, впереди показался дикий пляж, народу на нем было немного. Я облегченно вздохнул, но, как выяснилось, преждевременно.

— Сынок, пойдем за бычками, — позвал негромкий го-

лос. — Я недорого возьму. К вечеру хороший клев будет.

Я оглянулся. Голос принадлежал худощавому старичку в видавшей виды тельняшке. Стоит у вытащенной на берег лодки. Ее борта потерты, а когда-то они были ярко-синими. Добрые глаза старика смотрят на меня с надеждой.

Смутный образ промелькнул перед глазами: мне лет восемь, мы с отцом рыбачим с ялика, он помогает мне насадить червяка на крючок, а я страшно горд, что в моем ведерке уже барахтается пяток рыбешек. Надо же, я и забыл, какую радость тогда испытывал.

Не ответив старику, я отмахнулся и пошел дальше. Какие к лешему бычки! Я сам как бычок, выброшенный на берег: с красными вытаращенными глазами, еле шевелю пересохшими плавниками и пытаюсь глотнуть немного воздуха, из последних сил раздувая жабры.

Пора уходить с моря. На открытом солнце мне явно не выжить, лучше побродить по тенистым аллеям центрального парка. Я двинулся в город против потока, навстречу мне тянулась вереница отдыхающих с пляжными сумками, надувными игрушками и прочими обязательными принадлежностями курортного отдыха. Как они только выдерживают эту жарищу?

Путь к парку лежит через площадь у местного ДК. Странно, я несколько раз проходил мимо этого здания по дороге из гостиницы на завод — оно стояло в лесах и выглядело абсолютно пустынным, а сейчас сияет свежеоштукатуренным

фасадом. Неужели местные работяги очнулись от вечной сиесты и совершили невозможное?

У дверей толпится народ, разглядывая большую афишу. Здесь же крутится зазывала в соломенной шляпе, что-то выкрикивает и размахивает листовками. Издалека слов не разобрать, до меня донеслось только: «Вступайте в гал!.. Вступайте в гал!..» Что за ерунда? Приблизившись, я протиснулся к афише и прочитал:

«Летом — маленькая жизнь, а с осени до весны — режим ожидания? Желтые листья на деревьях вызывают панику? С первым снегом впадаешь в депрессию? От вида новогодней елки тошнит? Солнечный голод прожигает мозг, и ты ищешь спасения в солярии, сидя там до обморока? Это токсичная зависимость! Она крадет твои годы! Хватит терпеть, пора действовать!

Ты не один! Вступай в Группу Анонимных Летоголиков и пройди реабилитацию! Открой портал в подсознание, верни состояние потока и обрети свободу от календаря! Первая встреча сегодня. Ведущий — знаменитый коуч из столицы, создатель методики «Солнце в тебе» Велимудр Ярилов».

Что за бред? Какие еще летоголики? Ко всякого рода тренингам я относился скептически, хотя уже половина моих знакомых имела личного коуча, ментора или психолога, а то и психотерапевта. С другой стороны, шататься по улице мне порядком надоело. Я окинул взглядом фасад. Над окнами второго этажа торчали коробки кондиционеров. Что ж, ради

прохлады, пожалуй, я сейчас могу вытерпеть любое бредовое мероприятие.

В зале на окнах приспущены жалюзи и довольно свежо. Во всяком случае, не сравнить с улицей. По кругу стоят стулья с подлокотниками, на вид довольно удобные. Я опустился на один из них и облегченно выдохнул.

Напротив меня оказались две девицы со смущенными лицами. Остальные места пустуют. Не густо. Похоже, все летоголики наслаждаются жизнью на пляже и вовсе не нуждаются в реабилитации. Но в конце концов человек пятнадцать все-таки набралось и в зале появился столичный коуч собственной персоной.

Про себя я окрестил его «Невыразимцем» — так называли работников Отдела тайн министерства магии в книгах про Гарри Поттера, на которых я вырос. Невысокий, в неброском сером костюме, с непроницаемым лицом, какой-то полупрозрачный, он словно возник из воздуха.

Невыразимец минут десять нахваливал свою методику, а затем попросил каждого рассказать, с каким запросом тот пришел на встречу. Первой оказалась одна из тех девиц, что пришли раньше всех.

— Мне в детстве цыганка нагадала, что я своего будущего мужа летом встречу, у моря, — начала она, немного помявшись. По залу пронесся явственный смешок, но под взглядом Невыразимца все затихло. — Я только лета и жду. В другие сезоны вообще ни с кем не знакомлюсь, от свиданий от-

казываюсь — все равно ведь ничего не выйдет. Целый год готовлюсь, в салон красоты хожу, в фитнес-центр, одежду эффектную подбираю. Но уже который раз летом ничего не происходит. Хочу понять, что я делаю не так, время-то уходит.

Ну и чушь. Поверить цыганке и ждать у моря погоды, вернее, суженого-ряженого — глупее не придумаешь. Что у них в голове, у этих девиц?

— Моя цель — прокачать осознанность в восприятии лета, — заговорила вторая. — Это же отличный ресурс, можно накопить больше жизненной энергии и в итоге повысить свою эффективность на работе. А я очень хочу получить новую должность.

Ничего себе запросик… Как же нужно промыть мозги человеку всякой психологической дребеденью, чтобы он, то есть она, даже лето хотела использовать для карьеры. А Невыразимец, похоже, не удивлен. Наверняка еще и не такое слышал на своих тренингах. Скорее всего, у него и заготовка для ответа есть. Но молчит, только переводит взгляд с одного на другого. Видимо, хочет, чтобы сначала все высказались.

— У меня лето нон-стоп. Зимовать гоню на острова. Да, блин, фомо достает, не дает чилить на вайбе, — растягивая слова, словно жвачку, проговорил юнец в дредах с татуировкой попугая на плече.

— Так-то я тут чисто ради своего парня, пришла за него поболеть. — Девчонка с зелеными волосами, сидевшая ря-

дом с юнцом, кивнула в его сторону. — Хотя у меня тоже свой трабл есть. Как подумаю, что осень скоро, сразу ломаю паничку, реально до тильта один шаг. Нужны инсайтики.

Ну, этих двоих я почти не понял. Старею, наверное, выпадаю из молодежного контекста. Надо бы потом погуглить, что такое фомо и паничка. Зато Невыразимец окинул парочку благосклонным взглядом, даже оживился немного. Похоже, прикидывает, как их раскрутить на дорогостоящую реабилитацию. Однако и мне надо что-то придумать, чтобы сойти за летоголика.

Послушаем, что скажет следующая страдалица — молодая женщина. Среди летоголиков явно преобладают дамы. Эта в очках, с типично учительским лицом. Могу поспорить, что в школе работает.

— Хочу сепарироваться от лета и построить с ним экологичные отношения, — на полном серьезе заявила она. — Лето — настоящий абьюзер, никогда не знаешь, чего от него ждать. То заморозки в июне, то наводнение вместо купального сезона, то лесные пожары. Не желаю от этого зависеть! Хочу выстроить свои границы и гарантировать себе ровный, спокойный отдых.

А я то думал, что все самое бредовое я уже услышал. Даже у Невыразимца в глазах мелькнуло сомнение. Тем временем подошла очередь мужика в дорогом прикиде с часами Rolex на руке.

— У меня, похоже, выгорание, — уныло произнес он. —

Пашу круглыми сутками, расслабиться нельзя ни на минуту. Какой на дворе сезон, вообще не замечаю. Только и было радости, что яхта. Две недели в году — по праву мои, пусть хоть весь бизнес развалится. Ветер, солнце, брызги, простор… Лета всегда ждал, как манны небесной. А вот уже три года подряд ничего не чувствую: смотрю на свою ласточку, и даже на борт подниматься не хочется. Ходил к психотерапевтам, пробовал лечиться — все без толку. В этот раз заставил себя выйти в море, да через день не выдержал, пришвартовался в первом попавшемся порту, так здесь и очутился. — Глаза его подозрительно увлажнились.

Да ладно, мужик, мне бы твои проблемы. Яхта, видите ли, не радует. Самому-то не смешно? Невыразимец, однако, что-то долго не сводит глаз с выгоревшего яхтсмена и сочувственно так смотрит, чем-то тот его заинтересовал. Лицо мужчины под его взглядом немного просветлело.

Наконец коуч кивнул следующей девушке, давая знак, что можно продолжать. Та немного помялась.

— У меня противоположная проблема: летобоязнь, — заговорила она. — При слове «лето» перед глазами сразу возникает уходящая за горизонт грядка лука, которую надо полоть. Все каникулы я у бабки с дедом в деревне проводила, а они меня заставляли на огороде работать, гулять не пускали, пока не доделаю. Вы простите, что я пришла, хотела посмотреть, за что люди лето любят, и немного заразиться, что ли, этой любовью. Хочется ведь удовольствие получать, как все.

Да уж, девонька, эк тебя угораздило. Даже Невыразимец, похоже, впечатлился, во всяком случае глаза у него как-то погрустнели.

— Я на севере живу, у нас недалеко горнолыжный курорт, всесезонный. Лето в наших краях короткое, да еще мошка заедает, а у меня аллергия, — начала рассказывать миловидная женщина «без возраста» с грустными глазами. Хочется отпуск, как у людей, чтобы тепло, море, персики, чурчхела… Вот и еду на юг. Всю зиму на скидках покупаю вещи пляжные, крем для загара, бронирую билеты аж за полгода. А приезжаю — здесь толпа не лучше мошки, цены на фрукты выше, чем у нас на севере; все только и норовят нажиться на туристах. От жары я в полуобморочном состоянии все время. Сплошной обман. И ведь знаю, что так будет, а все равно еду. И зимой только об этом южном лете и думаю.

Что ж ты, милая, так печалишься. Мне бы горнолыжный курорт под боком — я б свое не упустил. Из всех участников женщина с севера пока единственная вызвала у меня симпатию. По крайней мере, высказалась без закидонов и не бросалась странными словечками.

Постепенно я увлекся происходящим и не заметил, как подошел мой черед. Так и не придумав, что сказать, я неожиданно для себя ляпнул правду:

— Не летоголик я. Скорее, вынужденный зимоголик, потому что в отпуске только зимой бываю. Признаюсь, сюда зашел просто жару переждать да время скоротать до поезда.

Нет у меня никаких отношений с летом, я его стараюсь не замечать. Все равно одна сплошная работа, и в этом городе я не на отдыхе, а в командировке.

Невыразимец уставился на меня. Несмотря на кажущуюся пустоту в его глазах, я почти физически чувствовал, как он меня сканирует. Муторное чувство, надо сказать.

Прошла вечность.

— А чего вы хотите прямо сейчас? — внезапно спросил Невыразимец.

От неожиданности я впал в ступор, ведь никому другому коуч вопросов не задавал. Я словно забыл все слова, но при этом в воображении с бешеной скоростью замелькали картинки. Меня даже немного затошнило, и вдруг из этого вихря явственно выплыл… бычок — влажная блестящая чешуя, толстый лоб, плавники торчком. Почему-то мне стало понятно, что отвечать необязательно. Я выдавил из себя «спасибо», поднялся и направился к двери.

На улице солнце калило уже не так сильно. Перейдя площадь, я оглянулся. ДК стоит в лесах, вокруг — пустота. Ни зазывалы, ни публики, ни афиши — только сонная тишина… Что же это было? Впрочем, уже неважно.

Я направился к морю, ускоряя шаг. Почти бегом домчался до последнего пирса и огляделся. Старика со старой лодкой не видно. Одинокий катер с надписью «Последняя надежда» постукивает бортом о причал, на носу красуется выцветший флаг. Рядом мается парень с биноклем на шее.

— Не желаете на морскую прогулку? — привычно завел он. На мой вопрос парень разочарованно махнул рукой в сторону скал:

— Дедок-то? В море вышел недавно, взял клиентов — папашу с мальчиком. Забавный такой пацан, очень просился рыбачить. Вон они, у того камня. — Он протянул мне бинокль. — Да вот, посмотрите сами

Дрожащими пальцами я еле навел резкость. Точно, они. Папаша развалился на корме, балдеет. Кажется, рыбалка его не интересует, просто хотел сыну угодить, а может, мечтал от жены немного отдохнуть, вот и нашел повод. О, черт, похоже, я заразился анализом…

А пацан и правда забавный! В бинокль хорошо видно, как вихры из-под бейсболки торчат. Дед помогает ему наживку нацепить, и даже издалека заметно, что они довольны друг другом. Мальчишка забросил удочку, а старик повернулся, и мне показалось, что он смотрит прямо на меня.

Я второпях сунул парню бинокль, скинул ботинки и вошел в море прямо в одежде. Схватил с носа катера флаг и стал махать изо всех сил, крича:

— Э-э-э-э-эй! Возьмите меня-а-а-а! Я зде-е-есь! Зде-е-е-е-е-есь!

Юлия Бут-Хагман. ДВА РАССКАЗА

СЕРВИЗ С ГОЛУБОЙ КАЁМКОЙ

Мой муж коллекционирует стадионы. Через какие бы шведские города мы ни проезжали, мимо каких бы деревень ни пролегал маршрут, посещение местного стадиона — это святое. Даже если там нет никаких матчей и мероприятий. А пустой, тихий стадион мне даже больше нравится. Можно под птичье пение ромашки собирать за его забором, пока Ленард по зеленому полю гуляет и видит и слышит что-то, только ему ведомое. Если дождик моросит, я в машине сижу, любимых авторов читаю. Жду, не возмущаясь задержкой, потому что привыкла. И муж такой счастливый ко мне возвращается, что я готова сама в гугле следующий ближайший стадион для него разыскивать.

Но этим летним путешествием футбольное поле в городке с длиннющим сложновыговариваемым названием оказалось закрыто таким высоким забором, что ни пролезть туда, ни в щелку сфотографировать. Вернулся Ленард в машину и загрустил. Но ненадолго. Шум местного матча донесся до него из собственной памяти. Был Ленард здесь однажды еще подростком. Вместе с мамой, папой и сестрой громко болел за городскую команду. Но приезжали они тогда в городок не столько ради матча, сколько ради встречи с семьей маминой

давней подруги, одноклассницы. Рассказывает мне муж обо всем этом и молодеет. Я даже залюбовалась его глазами, юно поблескивающими из-под очков. Вдруг он достал телефон и открыл гугл.

— Можно попробовать их найти! Я помню, как звали ту мамину подругу. Хельми!

Эта идея мне не понравилась.

— Дорогой, зачем тебе это надо?!

Но Ленард уже выбрал из трех Хельми, которых интернет нашел в округе.

— Вот эта должна быть — восемьдесят три года. Живет с мужем. Все сходится. Поехали!

— Куда?! — возмутилась я.

Он завел машину.

— Дорогой, это даже не по-шведски: без приглашения. Мы практически незнакомые люди, а они совсем уже старые…

Но Ленард, не обращая внимания на мои ворчания, помчался в прошлое по указанному гуглом маршруту.

Притормозили у беленького домика с аккуратным палисадником, украшенным клумбами с гортензиями. Ленард, сделав глубокий вдох, зашагал по мощеной дорожке к крыльцу. Я осталась в машине, но с открытой дверью. Интересно же, и мало ли что.

— Я тут, рядом, — крикнула на всякий случай вслед.

Ленард постучал. На пороге появилась статная седая фрю

в синем хлопковом платье и нарядном разноцветном фартуке.

— Хей! — расплылся перед ней муж. — Меня зовут Ленард. Вы Хельми?

— Я ничего не собираюсь покупать! — грозно прозвучало в ответ.

— Я не продавец! Мы с вами виделись пятьдесят лет назад!

— Я не собираюсь молиться ни на каком собрании! — Дверь чуть не захлопнулась.

Ленард удержал ее лишь одним словом — именем своей матери.

Хельми всплеснула руками.

— Ах, Ленард! Да как такое возможно?!

— Вот, ехали мимо, вспомнил… В машине моя жена.

Я помахала.

— Ой, заходите! Я, правда, немного занята на кухне, но ничего…

— Спасибо, мы понимаем, без предупреждения, извините…

— Да это же радость! Кто бы мог подумать, пятьдесят лет… — Ее лицо в ореоле седых волос разглаживалось воспоминаниями.

Мы вошли и окунулись в запах ванильной выпечки и в пестреющие на стенах вышивки и акварели, которые, как оказалось, создает сама Хельми. Паркет начищен. Ковро-

вые дорожки петляют меж старинной деревянной мебели. За стеклами буфета белеют чашки с голубой полоской.

— Я приготовлю фику[1]. Вы пьете кофе?

— Я — да. А Ленард — чай.

Появился хозяин. Такой же высокий, статный, седой. Немного хмурый. В джинсах и клетчатой рубашке. Перезнакомились. Мужчины направились осматривать участок. Я осталась с Хельми на кухне.

— Давайте я взобью белки.

— Да как-то неудобно. Вы гостья…

— А мне у вас уже так хорошо, как дома!

— Тогда держи, — улыбнулась Хельми и подала мне миксер.

Пока возились с пирогом, она рассказывала о внуках, правнуках, а я поглядывала на цветные металлические банки для круп, ажурные салфеточки, фарфоровые статуэтки и ощущала одновременно и тепло от всего этого особого уюта, и немножко грусть. Такие предметы уже не нужны нашим детям. Да, впрочем, и мой дом совсем другого стиля.

Из сундука достали льняную скатерть, застелили стол на террасе и расставили сервиз. По краю белых чашек, блюдец и тарелочек протянулась голубая полоска, украшенная то ли силуэтом бабочки, то ли цветком. Стенки бокалов для чая оказались усыпаны этим миниатюрным узором.

— Я помню этот сервиз! — воскликнул Ленард.

---

[1] **Традиционное шведское кофепитие с неспешными разговорами**

— Да, ему уже много лет. — Хельми погладила узловатым пальцем щербинку на блюдце.

— У нас дома похожий! — вставила я.

— Маме Ленарда он нравился. — Она вскинула голову. — У меня есть фото того дня!

Хельми принесла потертый коричневый альбом, и я увидела молодых Хельми с мужем и их детей, а рядом — маленького Ленарда с родителями и сестрой. Стадион еще не окружен большим забором. Лица плохо различимы на блеклой карточке. Но трое, склонившиеся над старым снимком, смеются и уверяют друг друга, что они совсем не изменились… Достали другой альбом, еще более древний, и увидели Хельми худенькой девочкой, позирующей вместе с такой же юной подружкой, мамой моего мужа.

Я смакую пирог. Медленно, по-шведски, пью кофе. Жмурюсь на солнце. Про то, что эта задержка в пути дала мне ощущение дома, к которому всю жизнь стремлюсь, я пойму позже, уже в машине. А пока чистое, вопреки прогнозу, небо укрывает нашу встречу; под ногами мужа лежит зеленый газон из детства; а чашечки с синей полоской так же стучат о блюдца, как и когда-то, пятьдесят лет назад. Время перемешалось и остановилось.

Но кофе все же допит, телефоны напоминают о дальнейшем пути, и Хельми не хочется нас отпускать.

— У меня есть подарки на память!

Она вручает Ленарду кухонный фартук с кораблями, а

мне — гобеленовую сумку с розами. Все сшито ее морщинистыми руками. В этом готовить теперь разве что праздничное, и носить — если только сокровища.

Машина огибает угол улицы, статная седая пара все еще машет вслед, а я почему-то вытираю слезу.

РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ ПЛАТЬЯ

— Катерина, ты помнишь, что у тебя только ручной багаж? Не бери с собой много вещей. — Франко отошел от компьютера, облокотился на каминную полку и закурил, не отрывая глаз от экрана, с которого Катерина широко ему улыбнулась.

— Да, я уже начала паковать чемодан.

Она сидит на ковре в полусвете напольной лампы. Ноги, обтянутые черными леггинсами, скрещены. Плечи укрывает ажурная шаль. Волосы, перекинутые через плечо, отливают медью. Длинная шея… Как же его губы соскучились по ней!

Бархатистый тембр голоса Франко прокатывается эхом по телу Катерины:

— Но, дорогая, еще целая неделя впереди!

Скоро ее пальцы вспомнят, какие мягкие его темные волосы, чуть тронутые сединой.

— Я положила в чемодан свое самое красивое платье. — Она взмахнула ресницами. — Ты ему подходишь.

— Я? Платью? — Франко провел ладонью от широкого

лба к затылку. — Как это, Катерина? Я мужчина! — Он засмеялся.

— Правильный мужчина. — Она отклонилась, чуть прищурив глаза.

Элегантные брюки и светло-синяя рубашка очень ему идут. Но не уловить, какие детали выражают благородство и аристократичность. Это просто ощущается даже через экран.

— И город соответствующий.

— Чему соответствующий?

— Платью.

— Катерина, ты невозможна! — Франко придвинул стул и сел перед компьютером. — Показывай это странное платье.

— Нет, ты увидишь его на мне. — Она засмеялась. — А сейчас могу только рассказать.

— О! Я в нетерпении!

Катерина опустила ресницы и заговорила:

— Оно придумалось, как всегда, в том промежутке между сном и явью, где все придумывается обычно, ты понимаешь?

Франко кивнул.

— Но так четко, что не было надобности его зарисовывать! И оно прочно и надолго поселилось во мне. Как будто ждало своего появления. Особенности ткани, цвет, крой — я знала про него все до мельчайших деталей. Еще знала и то, что ему обязательно быть, несмотря на то, что оно никак не вязалось с той реальностью, в которой я тогда жила. Ну куда

такое надеть, даже если сошью? Некуда. — Катерина пожала плечами. — Десять лет понадобилось на то, чтобы кто-то поймал мысль про подобную ткань, воплотил в производство, и она легла на полку магазина «Все для шитья». Как раз напротив моей работы, представляешь?

— В Петербурге? — спросил Франко.

— Да, в городе моей следующей реальности после развода. В тот день позвонили из бухгалтерии и попросили забрать деньги, которые мне когда-то недосчитали.

Франко улыбнулся.

— Но я все-таки переминалась с ноги на ногу, стоя через дорогу от любимой вывески. С одной стороны — эта вывеска, а с другой — портреты двух детей на совести. Вывеска перевесила. Встреча с тканью состоялась! Той самой: стрейчевой, легкой, полупрозрачной, с рисунком больших размытых цветов в нежной гамме, как я и мечтала. Шить самой давно было некогда, и другие «золотые руки» отшивали мои идеи. Я могла им доверить даже мечту с квадратным солнечным подолом и драпировкой по фигуре: где погуще, где не очень…

— О-о-о, я хочу это видеть!

— Подожди! — Катерина театрально взмахнула рукой. — Та-дам! Оно родилось. И я в нем кружилась, счастливая, по длинному коридору коммунальной квартиры! — Она усмехнулась: — Все еще не в соответствующей реальности. До нее нам с платьем надо было, видно, дорасти.

Франко расправил плечи.

— Осталась всего неделя!

А Катерина продолжила:

— Да, но еще два года я упорно пыталась надеть его то на корпоративную питерскую вечеринку, то в крымский ресторан. Но каждый раз казалось, что вот-вот затрещат швы от несоответствия и обстановке, и взглядам… — Она передернула плечами.

— Ты заинтриговала меня еще больше! — Франко посмотрел серьезно. — И я рад, дорогая, что ты положила в чемодан это платье.

Чемодан еле застегнулся и был критически тяжелым. Кроме невесомого платья и еще тысячи необходимых вещей, Катерина упаковала и два винтажных светильника, подходящих, как она считала, к стенам гостиной дома Франко. Но все обошлось, и Катерина благополучно прилетела в Италию.

Он купил ей билеты всего на пять летних дней, одних из последних в ее европейской визе. Объяснил, что не мог взять больше выходных на работе. «Но почему только выходные? — думала Катерина, загорая на плетеном лежаке в саду. — И три из них уже прошли…»

Франко нес для нее кофе в фарфоровой чашечке на блюдце и остановился в проеме террасы: «Как смогла эта женщина за несколько дней стать неотъемлемой частью его дома?! Как мог этот сад существовать без нее раньше? Как будто

и розы цветут только ради того, чтобы она вдыхала их аромат…»

Франко подошел к Катерине и с чувством произнес:

— Дорогая, мой дом — твой дом! Приезжай, когда захочешь.

Она приподнялась на локте и, заслонив глаза от солнца, удивленно посмотрела на него.

— Дорогой, но дом нужен мне, чтобы жить.

Франко отхлебнул из чашки. Горячая терпкость кофе помогла словам яснее прозвучать в сознании. Катерина говорила дальше:

— И дому нужна хозяйка… — Она потянулась за чашкой.

Франко вздрогнул, резко дернул рукой так, что кофе выплеснулся на блюдце, и хрипло сказал:

— Удивительно, что ни одной женщине я не давал столько, сколько тебе. И мне это даже понравилось! — сделав паузу, с надрывом добавил: — Но я все равно не могу сделать тебя счастливой!

Он развернулся и скрылся за колоннами террасы. Катерина посмотрела в чашку, проглотила остатки кофе и поднялась с лежака. Горечь комком встала в горле. Сад померк. Она подняла глаза к небу. Солнце заслонила большая серая туча. «Будет дождь? Нет, я не стану плакать». Прошла на террасу. Франко нигде не было видно. Каменная мозаика пола откликнулась желанной прохладой. Катерина развела стопы, сложила ладони на животе, сделала вдох и с глубинным

криком выбросила руки вперед, затем прокрутила в воздухе спираль, переметнулась с одной ноги на другую и завертелась по четырем сторонам света, отпуская в танце и надежды, и боль. Она двигалась, а поднявшийся ветер обдувал ее запахом моря, освобождал солнце от мрачных туч, и его лучи пробивались к ней бликами сквозь листву деревьев, ловя взгляд, согревая сердце…

Франко зачарованно стоял у окна второго этажа и монотонно твердил:

— I'm sorry, I'm so sorry…

Через час Катерина вышла в гостиную в легком бело-розовом платье, как будто закрученном вокруг груди, талии, бедер и спадающем складчатыми полупрозрачными углами по стройным ногам к затянутым золотыми ремешками стопам.

Тонкие высокие каблуки приподняли ладную фигуру над землей. Заколотые наверх волосы открыли шею. Цветы на платье оттенили порозовевшие щеки…

— О-о, ты великолепна! — Франко затушил сигарету, поднялся с дивана и проговорил: — Только прошу тебя, не требуй больше, чем я могу дать.

Катерина повела загорелым плечом.

— Мы собирались поехать в Венецию.

Франко улыбнулся:

— О, да, мы просто обязаны выгулять это платье в Венеции.

Концы подола раздувались ветром, закручивались вокруг ног под музыку Чайковского на площади Сан-Марко. А солнце, низкое, закатное, разбрызгивало розовым по камням мостовой. Ритмично каблуки стучали, вторя биению сердец. Его рука теплом укутывала талию и ощущала близость кожи под тонкой тканью.

— Ты не замерзла, милая?

— Нисколько.

Под обнаженными плечами грудь, прикрытая густыми складками цветов в молочном фоне, приподнималась, вдыхая жадно сырой вечерний воздух старинных улиц. Дома, прижатые друг к другу, хранили тайны их прошлых встреч. Мелькающие переливы фонарей сверкали на воде и в любящих глазах. Мосты через каналы держали изогнутыми спинами двоих, соединенных поцелуями в одно. И отзвенели эхом пустого переулка слова:

— Я рад, что это платье меня дождалось.

Уезжая, Катерина не стала укладывать его обратно в чемодан.

— Пусть остается там, где ему место, и с тем мужчиной, для которого оказалось сшито, даже если неизвестно, встретимся ли еще.

Айгуль Галиакберова. ГОВОРЯЩАЯ С ВЕТРОМ

Память — странная вещь. Она не похожа на ровную дорогу, по которой идешь из детства в зрелые годы. Скорее напоминает старый бабушкин сундук: открываешь тяжелую крышку, и в нос ударяет сухой запах полыни, нафталина и нагретого солнцем дерева.

Акгуль закрывает глаза и видит солнечный луч, в котором танцуют пылинки, над топчаном *картинэй* — прабабушки Хаббанисы. Девочке снова семь. Она раскраснелась от бега по деревенским улочкам, из-под мятого сарафана торчат расцарапанные голые коленки. И вот Акгуль опять в жилище своих предков. Точнее, в Доме. Потому что дом в горах Южного Урала, где она проводила каждое лето, — не просто сруб-пятистенок из лиственницы. Это центр ее детского мира.

То лето выдалось душным и тяжелым. Воздух над лугами дрожал, как расплавленное стекло, а бурная прежде река Миасс обмелела так, что на перекатах стали видны черные спины валунов. В деревне, прилепившейся к склону горы, веяло увядающим разнотравьем и перепрелым сеном.

В доме пахло иначе. На кухне — свежеиспеченным хлебом, парным молоком и чаем с матрешкой, как называли

в этих краях душицу. В большой же комнате витали запахи цветущей на подоконнике герани и советского одеколона «Тройной», которым брызгался после бритья *олоатай* — дедушка. В зал, где стоял черно-белый телевизор «Рубин», накрытый вязанной крючком салфеткой, и румынский гарнитур с хрусталем, летом лишний раз никто не заходил. Даже серая кошка не пробиралась дальше кухонной печи. Там безраздельно правила *олоэсэй* — бабушка Салима. Грузная, широкая в кости, с седыми волосами, собранными в низкий пучок кривым пластиковым гребнем, она носила синий сатиновый передник и растоптанные галоши. Салима была атеисткой до мозга костей. Тому поспособствовали голодное детство, каторжный труд на золотых приисках с двенадцати лет, гибель отца, которого унесла война. В ее мире, где небо безучастно наблюдало за этим, не существовало ни бога, ни черта, ни духов. Единственным, во что стоило верить, оставалась газета «Правда» и радиоголос из Москвы. Поэтому свою свекровь с ее заговорами Салима считала выжившей из ума старухой.

В дальнем углу кухни, отделенном ситцевой занавеской и большой печью, у маленького окошка проживала прабабка Хаббаниса, та самая свекровь. От нее пахло гусиным жиром и шаманской травой — можжевельником. Хаббаниса напоминала старое, выжженное молнией дерево — сухая, сгорбленная и легкая, как его пересохшие ветви. На сморщенном коричневом лице жили только глаза — выцветшие, оттен-

ка подтаявшего серого льда, но пронзительные. Из-под белого платка свисали две длинные, почти прозрачные седые косички, перехваченные на концах тряпичными накосниками с тусклыми коралловыми бусинами. Прабабке Хаббанисе в то лето исполнилось сто лет. Для деревенских детей это число звучало так же абстрактно, как расстояние до Луны. Она была *баксы* — шаманкой, к которой вся округа ходила лечить пупочную грыжу, заговаривать испуг и искать пропавший скот. Ее голос походил на шелест сухой травы, но когда она открывала рот, замолкали даже соседские собаки.

Салима и Хаббаниса не сказали друг другу ни одного злого слова. Они просто существовали в разных вселенных. Бабушка Салима громко хлопала дверцами лакированного шкафа, недовольно гремела кастрюлями и ругала «суеверия», а прабабка при этом перебирала засушенные травы, и ее тонкие губы постоянно шевелились, читая беззвучные заговоры.

В доме была еще одна сила: *олоатай* — дед Рафик. От него шел запах овчины и сухого сена. Он был истовый мусульманин, читал намазы и держал пост. На это бабушка Салима неодобрительно цыкала и приговаривала: «Лучше бы делом занялся, старый дуралей». Дед тут же глох на оба уха и принимал позу невозмутимого йога, входящего в нирвану. Когда же бабушка Салима уходила в магазин или к соседям, олоатай, воровато оглядываясь, брал Коран и, посадив Акгуль на колени, напевно читал суры на арабском. Девочке

нравились мелодичные тексты, и она даже могла по памяти воспроизвести несколько молитв.

В то памятное утро молочный туман еще цеплялся за склоны, но первые лучи уже тронули вершины Южного Урала. Воздух был свеж и прозрачен. Внизу, прорезая дымку, серебряной нитью блестела лента бурной реки, а вокруг, словно просыпающиеся великаны, поднимались синие горы.

Акгуль вприпрыжку носилась по высокой траве, стряхивая с нее холодные капли росы. И вдруг ее взгляд привлекла поляна, озаренная нежным светом. Там, словно россыпь янтаря, горели желтые цветы купальницы. Акгуль присела на корточки и принялась составлять букет, представляя, как поставит его в высокую вазу карамельного стекла из серванта олоэсэй. «Кра-асиво будет!» — прошептала девочка в предвкушении.

— Акгуль! — раздался с пригорка скрипучий, но властный голос. — А ну-ка, иди сюда!

Она замерла, предчувствуя взбучку. По склону, опираясь на свой тяжелый посох, ковыляла картинэй Хаббаниса. Ее седые волосы были аккуратно убраны под платок, а в заплечной холщовой сумке уже покоились пучки зверобоя и тысячелистника. Хаббаниса сурово смотрела на правнучку.

— Кому говорила: не рвать все подряд? — строго спросила она, подойдя ближе. — Зачем тебе эти цветы? Ты их губишь по своей прихоти!

Акгуль насупилась, сжимая в кулачке сорванные стебли.

— Красивые они, картинэй. Веселые.

— Веселые, говоришь? Травы и цветы — это не игрушки. Это живые души. Их брать можно только для дела: отвар приготовить от хвори, дымом окурить дом от шайтанов или в жертву духам предков положить. И брать нужно с благодарностью, с поклоном хранителям леса. А просто так рвать — значит, силу их впустую тратить. Они старше самого человека! Можно сказать, что благодаря цветам человек и появился!

Девочка была поражена.

— Как так, картинэй? Как цветы могли человека создать?

Хаббаниса поправила сумку на плече и посмотрела на горизонт. Начинался правильный лунный день для сбора трав, и она не хотела тратить время попусту, но не рассказать легенду не могла.

— Слушай внимательно и запоминай накрепко. Раньше всего была вода. Одно сплошное море до самого края мира. Потом Тенгри, Дух неба, сотворил водоросли и тварей морских. Затем земля поднялась из пучины, и на ней стали расти папоротники огромные, размером с твой дом, и сосны — такие высокие, что макушками небо царапали. Стали существа земные плодиться. У каждой твари и у каждого дерева был свой дух-хранитель, свой характер.

Старуха сорвала стебель полыни и задумчиво размяла его в пальцах.

— Но вот цветы в мире не росли. И однажды появился дух

неприкаянный. Ни к воде он не был привязан, ни к земле. Метался он из толщи моря в облака и обратно, но нигде не находил себе пристанища. Другие духи смеялись над ним: «Ты чужой везде! Уходи!» Обидно ему стало, и пожаловался он Тенгри.

Хаббаниса сделала паузу, глядя на купальницы. Акгуль слушала, затаив дыхание.

— И тогда Тенгри решил наказать обидчиков и сотворил чудо. Расцвел на поляне гигантский цветок, краше которого ничего не видывали доселе на земле. Светился он ярче солнца, а цветом был как эти купальницы, только огромный. А внутри — нектар, сладкий-сладкий. Тут же вокруг закружились пчелы, стали его собирать и понесли в дупло старой лиственницы, чтобы сделать там свои запасы — мед.

— А дальше что? — воскликнуло нетерпеливое дитя.

— А дальше за медом полезли медведи! — торжественно сказала Хаббаниса. — Но они были косолапые, неуклюжие. Мед достать хочется, а лапы не гнутся как надо! И взмолились медведи Тенгри: «Дай нам пальцы ловкие!» Сжалился над ними Дух неба и сотворил им руки. Так медведь и стал человеком!

— Ты хочешь сказать, картинэй, что человек произошел от медведя? — недоверчиво протянула девчушка.

Старуха хитро прищурилась.

— А от кого же еще? Ты медведя-то видела? Сними с него шкуру — он прямо как человек лежит!

Акгуль задумалась на секунду, вспоминая уроки в школе. Она уже считала себя ученой девочкой, шутка ли, в этом году окончила «нулевой класс».

— А нам учительница говорила, что мы произошли от обезьяны!

Хаббаниса фыркнула с явным неодобрением.

— Ну, может быть — да простит меня Дух неба за такие слова! — какие-нибудь африканцы от обезьяны и произошли, этого я не знаю. — Она неопределенно махнула рукой куда-то на юг. — А вот наше племя пошло от медведя! От хозяина тайги! Так что иди-ка ты лучше помоги мне липовый цвет собрать для отвара, чем купальницы без толку топтать. И помни: не обижай их. Они память земли.

Пришлось девочке кивнуть и послушно побрести за прабабкой к липовой роще у подножия горы. Навсегда запомнила она этот день и сияющие под солнцем желтые цветы.

После полудня Акгуль принялась играть с девочками на окраине деревни. Небо, еще час назад безмятежно-голубое, вдруг потемнело, словно кто-то набросил на солнце серую шаль. Воздух стал густым, тяжелым, и в нем повисло тревожное ожидание.

Ветер налетел внезапно. Не ласковый бриз, а злой, колючий порыв, ударивший в лицо с такой силой, что Акгуль пошатнулась. Подружка Гульназ испуганно ойкнула и рванула к своему дому. Другие тоже жили поблизости. Только Акгуль нужно было бежать почти через всю деревню. Она, при-

держивая подол сарафана, стремглав бросилась к дому бабушки Салимы.

Ветер крепчал с каждым шагом. Он уже не дул, а ревел, как раненый зверь, толкая в грудь и сбивая с ног. Поднимал с земли тучи пыли и мелкий мусор, бросая их в лицо, слепя глаза. Девочке пришлось идти, зажмурившись и наклонившись вперед, словно против течения бурной реки.

Вот, наконец, массивные трехметровые деревянные ворота дома бабушки. Стоило Акгуль ухватиться за холодное металлическое кольцо на калитке, как новый чудовищный порыв поднырнул под нее, словно хребет буйного коня, и внезапно ноги оторвались от земли. Мир перевернулся вверх тормашками. Девочку болтало, как тряпичную куклу на веревке. Сердце неистово бухало где-то в районе желудка. Ветер свистел в ушах, рвал волосы, бил по щекам.

— Олоэсэй! — закричала Акгуль внезапно охрипшим голосом.

Дверь дома с грохотом распахнулась и стала с жутким скрипом болтаться на петлях. На крыльцо выбежала бабушка Салима. Она шла против ветра, тяжело переставляя ноги, будто по колено в воде. Каждый шаг давался ей с трудом, ветер толкал ее обратно к порогу. Не говоря ни слова, она подхватила внучку под мышку и одним мощным рывком добралась до сеней, захлопнув дверь перед носом стихии.

Творилось нечто невообразимое. Ветер неистовствовал. Казалось, он хотел сорвать стены с фундамента. Стекла дро-

жали так, что вот-вот готовы были лопнуть. Снаружи донесся оглушительный треск: это рухнул старый телеграфный столб напротив дома. Провода заискрились голубым пламенем и упали на дорогу.

— Светопреставление, да и только… — охнула Салима. — Алла сакласын! Да сохранит Аллах! — добавила она, хотя была убежденной атеисткой.

Тут дверь снова распахнулась — это картинэй Хаббаниса вывалилась во двор. Ветер тут же ударил ее о забор и отбросил к стволу старой ранетки — дикой яблони, росшей у ограды. Старуха вцепилась в кору скрюченными пальцами.

А потом она начала кричать. Это был не визг страха, а гортанный, утробный крик на странном языке. Одной рукой она держалась за дерево, а другой рвала свои седые косицы, рассыпая коралловые бусины по ветру, словно капли крови. Они не падали, а летели. Ветер жадно подхватывал бусины из накосников старой шаманки, закручивая их в бешеные спирали.

Тяжелые, матовые, они на мгновение зависали в воздухе, словно не веря своей свободе, а затем воздушный поток швырял их о штакетник, вбивал в сухую глину, затягивал под крыльцо. Некоторые он уносил высоко вверх, заставляя плясать в сером месиве грозового неба крошечными рубиновыми искрами.

С каждым вырванным кораллом крик Хаббанисы становился громче, а хватка ветра — яростнее. Казалось, стихия

собирала кровавую дань, пока последняя бусина не исчезла в ревущей темноте. И случилось чудо. Ветер начал стихать так же внезапно, как и начался. Рев перешел в вой, вой — в свист, а затем все смолкло. Наступила звенящая тишина.

— Акгуль, алтыным — золотце мое, иди сюда. — К вечеру голос столетней Хаббанисы звучал надтреснуто.

Старуха медленно, с тяжелым вздохом распустила свои седые, но все еще густые волосы. Они покрыли сгорбленную спину белым покрывалом.

— Смотри на меня, Акгуль. Смотри внимательно. Для глупых людей это просто волосы. Для нас, башкир, это *сэс*, хранилище. Когда тело истлеет в земле, волосы еще долго сохраняют память. Наш мир — это огромный шатер. Наверху, в самом куполе, живет *Кук-Тэнгри*, Небесный Отец. Там свет и духи предков. Посередине — мы, растения и животные. А внизу, под полом — духи подземелий, духи нижнего мира. Когда волосы заплетены в косу и спрятаны, они спят. Но сейчас я их распускаю. И мои седые нити уходят прямо к звездам, к духам предков. Так я открываю двери. Я становлюсь живой дорогой, по которой сила наших прабабушек течет из Верхнего мира вниз, чтобы защитить нас.

Хаббаниса тяжело поднялась и подошла к старому кованому сундуку. Она достала оттуда тяжелую перевязь — *хасите*, богато украшенную старинными монетами и брошами.

— А теперь гляди сюда. Это не просто украшение, которое продают на ярмарке. Это летопись семьи. Видишь боль-

шую серебряную монету? Ее подарил мне твой прадед в день нашей свадьбы. Она отгоняет злых духов. Белые ракушки каури, привезенные из-за далеких морей, берегут от дурного глаза. Каждая брошь на перевязи — узелок на память. Здесь вплетена радость от рождения моего первенца. Вот тут — горе от того, что пожар уничтожил наш дом. Рядом — возвращение моего первого мужа с войны. Хасите — это тяжелая, звенящая память поколений, которую женщина носит на своей груди. А видишь красные капельки на накосниках, которые я для тебя сшила? Это кораллы — застывшая кровь земли и символ жизни. Пока они висят на косах женщин нашей семьи, род Хаббанисы не переведется и в наших котлах всегда будет мясо. Но иногда бывает нужно с ними расстаться… Злые духи — жадные и глупые, Акгуль. Когда они голодны, они требуют много крови. Тогда можно откупиться. Брось в стихию горсть кораллов, и духи подумают, что это их добыча. И начнут драться за них, как за человеческую кровь. Пока они заняты, они забывают про нас.

Старуха погладила одну из старинных серебряных монет.

— А серебро я не бросаю, — твердо сказала она. — Запомни это, Акгуль. У него совсем иная работа. Если кораллы — «кровь и выкуп», то серебро — «щит и оружие». Для злых духов оно обжигающе — нечисть вроде шурале панически его боится. Пока кораллы «отвлекают» духов, серебро на моей груди и косах создает невидимую стену. Серебряные монеты всегда пришиваются так, чтобы они шумели, и их

тонкий звон для нечисти подобен удару хлыста, от которого хочется убежать. Кораллы — приманка, которую бросают в пасть зверю. А серебро — замок на двери. Я распустила волосы и открыла каналы между мирами. Если я не надену серебро, темные духи влетят в эти двери вместе с ветром, и быть большой беде.

Хаббаниса одобрительно похлопала девочку по спине.

— Поняла теперь? Твои волосы — это нити, связывающие миры. А твои украшения — возможность выжить на их границе. Береги их. Но если придет великая буря — не жалей камней. Жизнь важнее украшений.

На следующий день Хаббаниса решила научить Акгуль «беседовать с ветром» и показать его истинное лицо. На рассвете, когда первый луч солнца только-только подкрасил край восточного горизонта розовато-лиловым цветом, шаманка повела правнучку на высокие холмы позади деревни — туда, где ветер гулял чаще всего.

Старуха велела Акгуль разуться. Сама баксы снова расплела свои седые косы, и они упали ей до поясницы, как спутанная конская грива. В руках у нее был только старый, почерневший от времени и пота ладоней кубыз.

Шаманка вставила его меж зубами и коснулась пальцем костяного язычка. Она закрыла глаза, и спустя мгновение по окрестностям пошел низкий вибрирующий гул, похожий на полет шмеля. Это был не просто звук инструмента — но пульс самой земли, пропущенный через кости старой баксы.

Она раскачивала головой в такт, и гул становился то выше, то ниже, сплетаясь в незримую нить, которую она бросала в еще спящее небо. Когда край солнца показался над горизонтом, Хаббаниса вытащила кубыз изо рта. Гул не исчез — он отчего-то остался висеть в воздухе, — и из впалой груди шаманки вырвалось горловое пение: в низком, утробном бурлении слышался рев урагана, а в высоком, пронзительном свисте — треск ломающегося льда на весенней реке. Она не пела словами, она словно плела горловой узор в пространстве; словно ткала невидимый воздушный ковер.

И тут раздался резкий клекочущий свист. Прямо над головой Хаббанисы и Акгуль, раскинув темные крылья, завис старый беркут. Он не охотился. Он пришел на зов, как страж порога меж миром людей и миром духов. Птица сделала медленный круг, и Хаббаниса склонила голову, приветствуя его.

— Беркут — это глаза ветра, — пояснила картинэй.

Старуха снова поднесла кубыз к зубам, и металлический вибрирующий гул стал ее собственным голосом. Она начала раскачиваться все быстрее, стоя на одном месте; ее седые космы будто зажили отдельной жизнью, как змеи в волосах горгоны Медузы.

Ветер не налетел порывом. Он проявился. Воздух над шаманкой сгустился, потерял прозрачность и обрел цвет — бледно-серый, как перо дикого голубя. Хаббаниса будто помолодела. Ее фигура исказилась, стала вытянутой, струящейся. Она сама превратилась в вихрь, состоящий из одного

сплошного движения, в центре которого пульсировал звук кубыза.

Акгуль не испугалась. По знаку прабабушки она выставила вперед раскрытые ладони. Ветер ударил в них, холодный и пахнущий полынью, заставив девочку хихикнуть от щекотки. Ветер ощупал ее лицо, забрался за шиворот рубахи, взъерошил волосы. Он будто знакомился с ней, подобно любопытному дворовому псу.

Но их уединение было недолгим. Грузная фигура бабушки Салимы появилась у подножия холма.

— Что ты творишь, старая ведьма?! — закричала она, грозно размахивая узловатыми натруженными руками. — Хватит забивать ребенку голову этой чепухой! А ну марш домой!

Хаббаниса лишь зло сверкнула глазами из-под седых бровей и тяжело опустилась на колени, снова став просто столетней старухой. Беркут в небе издал последний, будто обиженный клекот и полетел на восток, вослед за уже вставшим солнцем.

И той же ночью Акгуль заболела. У нее начался сильный жар, и голова раскалывалась от невыносимой боли в ушах. Наутро врач из райцентра, куда дедушка отвез внучку на деревенском автобусе, поставил диагноз: гнойный отит.

С тех пор жизнь девочки изменилась навсегда. Ее уши стали подобно флюгерам: реагировали на любое дуновение ветра; и даже самый легкий сквозняк отзывался острой бо-

лью внутри головы. Акгуль больше не могла ходить без головного убора даже в самую жару — ей приходилось носить плотную повязку или платок круглый год.

Но самое странное было другое. Прошло много лет, а ей по-прежнему казалось… что она слышит шепот ветра. Не шум листвы или свист в проводах, а тихий голос, что-то говорящий ей на ухо на том неведомом языке прабабушки Хаббанисы, на котором та когда-то заклинала разбушевавшуюся стихию.

Эйли Ван. ЧЕМПИОН

Напряженный воздух и духота, как и тогда. Где-то далеко слышался раскат грома, в воздухе пахло дождем. Я вспомнил, как путался в ногах охваченных азартом ребят. Казалось, внутри меня все еще звучат их голоса. Поле, где я стал главным героем, давно заросло. Где-то по бокам угадывались гнилые бревна, что служили самодельными воротами. Теперь там валялись старые покрышки. Восторженные голоса мальчишек сменил стрекот кузнечиков и жужжание пчел. Ветерок пронесся над поляной, и в воздух взметнулось пестрое облако бабочек.

***

Еще утром я не знал, что меня ждет. Мой день начался как обычно — в пыли на забытом чердаке. В углу копошился знакомый паук: чинил свою ловушку, порванную осой. Иногда он спускался ко мне, щекотал тонкими лапками, цепляя паутину на мои дряблые бока. Я всегда радовался ему. Это было единственное общение, на которое я теперь мог рассчитывать. В ясные дни солнце проникало в мою тихую обитель и будило жизнь, которой давно не чувствовалось ни во мне, ни в этом доме. Я завороженно смотрел на танец пылинок в луче света, и это было самое прекрасное, что я видел за день. Они всегда перемещались по-разному, никогда не ме-

шали друг другу и кружились в воздухе, не думая, что в этом танце падают. Иногда ветерок задувал в дыры прохудившейся крыши и поднимал танцовщиц, что давно уже не порхали в вихре свежего потока. Я завидовал им. Мне тоже хотелось вновь взлететь над полем; слышать смех мальчишек; видеть разочарование на лицах противников.

И вот сегодня, именно сегодня, меня впервые за много лет потревожили: скрип половиц; кто-то два раза чихнул; сбившийся шаг, будто споткнулся взрослый человек; неразборчивая недовольная речь и открывшаяся дверь на чердак.

Показалась голова мужчины. Он огляделся, присвистнул и залез полностью. Собрав несколько коробок старых журналов и газет, отнес их вниз; вернулся за очередной партией хлама и в утреннем луче, который обычно подсвечивал мне хаотичный танец пыли, он заметил меня. На мгновение человек замер, а потом аккуратно, словно это был древний папирус, поднял с пола потрескавшийся от времени мяч. Осторожным движением смахнул слой пыли и чихнул.

— Мой Чемпион! — прошептал он.

Ощутив тепло его крепких рук, я вспомнил все-все, что было покрыто золой прожитых десятилетий.

— Ребята должны тебя увидеть. Ха! Да ты совсем постарел и сдулся. Прямо как я.

***

— Эй, Никитос, ты, что ль? — окликнул кто-то человека,

задумчиво уставившегося на заросшую поляну, служившую когда-то футбольным полем.

— «Голова», Виталик, ты? Здарова! Да вот, забрал личные вещи из дома, — отозвался тот, указав на меня.

— Твой Чемпион?

— Да, — с гордостью произнес Никита. — Ты тоже помнишь тот день?

— Конечно, это был наш триумф.

— Сейчас поле кажется меньше, чем тогда.

— Да, есть такое. А с домом что теперь?

— Продаем его.

— Понимаю. Жаль. А как там пацаны?

— Скоро узнаю. Мы встречаемся завтра — смотреть финал чемпионата мира. Может, придешь?

— Не могу. Летом всегда дел больше. Я дома в интернете посмотрю. Передавай приветы от меня.

— Непременно. — Никита крепко пожал руку старого друга и направился к своей машине.

***

Так уж сложилось, что все важные для меня события происходили именно летом. Совершенно новенький, полный амбиций и уверенности в своем совершенстве, я лежал в корзине магазина игрушек и ждал своего героя. Вдруг чья-то сильная рука вытащила меня и закинула в авоську.

— Я обещал Никитке мяч из командировки привезти,

чуть не забыл, — сказал уставший мужской голос.

— Ну, ты бы хоть получше мяч выбрал, что ли? Этот — галимая резина.

— Да какая разница, какой мяч пинать ногами?

***

Маленькие, но цепкие руки мальчика с такой силой схватили меня, что я боялся лопнуть от избытка его чувств. Он прижал меня к своей щеке и прошептал:

— Мой Чемпион!

— Пацаны, смотрите, что у меня есть! Сыграем сегодня? — Он поднял меня над головой, как кубок, но в ответ услышал лишь гогот.

— Таким мячом только в «Съедобное-несъедобное» играть.

По началу Никитка очень расстроился. Он думал, что наконец получит почетное место владельца мяча в команде, но накануне из города приехал Кирюха и привез свой новенький мяч, совсем как у настоящих футболистов. Потому простенький мяч Никиты, который тот так долго ждал, не впечатлил приятелей.

К моему счастью, Никитка не разочаровался во мне. Каждый вечер он говорил: «Ты еще забьешь свой победный гол. Ты должен быть смелым и не бояться удара». Я понятия не имел, о чем он, но чувствовал, что это важно. В его глазах я стал не просто игрушкой, а союзником и супергероем. Мне очень хотелось оправдать его надежды. На следующий день

для меня многое прояснилось, и это было совсем не то, что я ожидал.

Отчетливо помню свое первое появление на поле. Реальность оказалась намного жестче. Первый удар стал для меня большой неожиданностью. После теплых детских рук, резкий, пронзительный, он звоном отозвался внутри меня и напугал. Я уже было подумал, что и Никита теперь недоволен мной. Когда же меня подбросили и я взлетел над полем, то ощутил странную свободу и радость полета. «Ради этого чувства стоит перенести и удар», — думал я.

Но меня ждал новый сюрприз: сила притяжения. Она стремительно опустила меня на землю. Прокатившись по жесткой траве между ногами какого-то мальчика, я замер, оглушенный восторженными криками, все еще пытаясь осознать, что же произошло.

— Го-о-о-о-о-ол! Ну что, герой? Ты же хотел быть лучшим?

Первым откровением стало то, что герои всегда принимают удары, а еще — что я должен катиться туда, куда посылают, и надеяться, что никто не помешает мне попасть в цель.

Теперь каждый день с утра до вечера я держал удары — то пересекая линию ворот, то уходя за пределы поля. Со временем я привык к ритму игры. Чувствовал разницу между точным пасом и отчаянным выносом. Я стал частью чего-то большего — частью команды, частью поля, частью странного шумного мира, где всё порой решали секунды.

С одной стороны, моим искренним желанием было стать идеальным — тем самым мячом, который все запомнят; который летит точно в цель и не подводит. С другой, я все чаще задумывался, а есть ли у меня вообще выбор. Или я просто вещь, которую используют, чтобы набрать очки?

Бывало, по ночам, занимая почетное место супергероя на подоконнике среди любимых игрушек Никиты, я смотрел в небо, и мне казалось, что даже Луна говорит мне: «Ты думаешь, ты важен? Да ты просто резиновый мяч! Сегодня ты здесь, а завтра тебя заменят на новый».

После таких мыслей внутри меня что-то сжималось. Но когда утром просыпался Никита, брал меня в руки, прижимал к груди и шептал: «Мой талисман! С тобой мы обязательно выиграем летний кубок!» — я обретал веру в свое предназначение.

***

Меня не захотели брать на матчи дворового чемпионата. Выбор остановили на том новом кожаном мяче Кирюхи, но я присутствовал на каждой тренировке, с тоской наблюдая за игрой через линию поля. Оставляя меня на траве, Никита говорил:

— Не переживай! Твое время придет, я верю в это!

В решающий день вышли сборные из четырех дворов: «Быстрые», «Ракеты», «Барсы» и «Непобедимые». Сама природа была в напряжении. Стоял почти полный штиль, и

сквозь тонкую дымку облаков палило солнце. Все замерло в ожидании. Команды сошлись в отчаянной схватке за титул чемпиона лета. Болельщики притащили с собой стулья и табуреты, устроив стихийную трибуну. Дядя Коля, который часто играл с ребятами во дворе, занял позицию арбитра и встал в центре поля, представляя команды. Даже ласточки, летая совсем низко, громким щебетанием то ли предупреждали о грядущем дожде, то ли поддерживали участников.

Над поляной целый день звучали крики восторга, разочарований, радости и негодования: «Отдавай мне!», «Не отдавай!», «Я открыт», «Го-о-о-о-ол!». Суета, веселье, напряжение — все смешалось в воздухе. В небе сгущались грозовые тучи. «Ракеты» выиграли у «Быстрых» 3:1; «Непобедимые» же с трудом обошли на один гол «Барсов» — 2:1. В финальном матче за звание чемпиона предстояла борьба между «Ракетами» и «Непобедимыми». Первые были намного сильнее и, чтобы их обыграть, требовалось настоящее чудо. Ребята подбадривали друг друга, как могли, и отчаянно сражались за мяч каждую минуту.

В полной неразберихе в конце первого тайма игрок «Ракет» забросил мяч далеко за пределы поля, за забор. Чтобы его достать, надо было зайти на территорию совхоза, а для этого требовалось разрешение. Время терять совсем не хотелось, азарт бурлил в крови. Все посмотрели на дядю Колю, и он на правах главного судьи объявил:

— У Никиты есть мяч. Продолжайте игру им!

В два прыжка Никита оказался рядом, и вот я уже на поле — в центре жарких событий. Напряжение ощущалось все больше, будто здесь собралась вся энергия. Грозовые тучи спрятали последние лучи солнца, поднявшийся ветер добавлял волнения, и казалось, что здесь происходит битва света и тьмы. Каждый пас отдавался во мне мелкой дрожью — все настроились на победу.

Погода менялась: в воздухе запахло дождем. Счет в середине второго тайма все еще оставался 0:0. Удержать его было очень непросто каждой из сторон. Чувствовалось, как участился пульс ребят. Порывы ветра делали игру непредсказуемой. Рядом с воротами «Ракет» завязалась настоящая борьба. Оставалось три минуты до конца.

Меня не выпускали из сцепки игроков, но вдруг кому-то удалось сделать пас, и я оказался у ног Никиты. Он посмотрел так, будто впервые меня увидел. В его взгляде читалась не только решимость — в нем была вера. Вера в то, что сейчас произойдет что-то невероятное. Он замахнулся и ударил. Без злости и отчаяния. Только чистая, светлая сила, собранная из всех наших тренировок, из всех падений и подъемов, из всех «Ты сможешь!», сказанных перед сном. Под оглушительный раскат грома начался мой полет к цели.

Время остановилось. Я видел, как вратарь противника подпрыгнул влево и упал раньше, чем я долетел до его рук; видел, как игроки пытались дотянуться до меня головами, чтобы изменить направление полета; видел, как болельщики

замерли в ожидании, затаив дыхание. Рассекая сопротивление ветра, я двигался вперед. В какой-то момент мне показалось, что я больше не мяч. Я молния, комета, я — судьба матча. Надо ли говорить, что произошло, когда мой полет завершился точно в «девятке».

Свисток дяди Коли разорвал купол напряжения, возвестив об окончании матча. Болельщики взорвались криками — то ли от радости, то ли от внезапно обрушившегося летнего ливня. На поле началась суета; зрители, схватив стулья, побежали в соседние дома, прячась от дождя; игроки бросились обниматься, и только один из них поднял меня и прижал к себе.

— Мы сделали это! Мы сделали это вместе!

Холодные крупные капли звонко отзывались внутри меня, и это была лучшая мелодия в моей жизни.

***

Остаток лета пролетел быстро и весело. Дожди участились, а вот щебет ласточек совсем прекратился. В скором времени в доме тоже стало тихо. Последние слова, которые я услышал, были: «Ты заслужил отдых. Ты лучший!».

Начался учебный год, мальчишки разъехались по домам, и больше я не видел Никиту…

До сегодняшнего дня.

***

За большим столом спортбара непринужденно потягивали холодное пиво друзья детства.

— А ты, часом, не из налоговой?

— Я из другой организации, Гайк.

— А ты, часом, не из ФСБ?

— А я часовщик, — вдруг присоединился к разговору Никита.

— О, Никитос, садись!

— Я из организации «Люди в черном».

— Никита, кстати, что там в Букино?

— Ты имеешь в виду, как сыграли команды «Букино» — «Бобруйск»?

— Ворота не очень выстояли.

— Продали дом, — с грустью отозвался Никита.

— Вот, говорит, часовщик, а сам недвижимостью крутит.

— А как там сосед дядя Коля, по-моему, «Тольки так и не иначэ»?

— Нет его больше.

Над столом повисла минута молчания.

— Весело было тогда, — прервал тишину Гайк.

— Особенно когда его на ворота ставили.

— Легендарный Возинья?

— Еще легендарнее!

— Помню, как ты бабе Кате в голову зарядил — у нее очки слетели.

— Не помню.

— Вот! А не помнить должна была она.

Над столом прокатилась волна хохота.

— А к пацанам во двор зашли, помнишь? У них там свинья была размером с автобус. Мать мухоморы вымачивала еще в тазике.

— Как их звали-то?

— Одного Сергей вроде…

— А ты мячи эти помнишь? Резины кусок.

— Да, лишь бы круглый! А своего Чемпиона помнишь?

— Еще бы, вчера забрал. Случайно нашел на чердаке в пыли. Он одряхлел и сдулся.

— Как и мы… О, матч начался! За кого болеем?

Я лежал в сумке и наблюдал, как взрослые мужики превращались в восторженных, охваченных азартом мальчишек, которые непременно верили в чудо. Счет до конца второго тайма оставался 0:0, и лишь на сто шестой минуте дополнительного времени каким-то чудом Испания забила первый и единственный гол за всю игру, вырвав тем самым победу у Аргентины и получив статус чемпиона мира-2026.

— Ферран Торрес — красавчик! Единственный гол за матч!

— Нет, ну как так? На дополнительном времени.

— Аргентина проиграла всухую — невероятно!

— Разбирайте, угощаю! — объявил Андрей, пока официант расставлял бокалы для коньяка.

— Неожиданно, — заметил Гайк.

— За здравие или за упокой? — не удержался Никита.

— Андрюха, говори тост, раз налил.

— В наше время тосты не говорят — их едят.

Над столом снова прокатилась волна смеха, и в воздухе повисло молчание второй раз. Теперь все вспоминали тот самый день.

— «Непобедимые» — тогда нас называли так, — ностальгически заметил Гайк.

— Да что уж там, мы сами это знали и себя так называли.

— Ты, Андрюха, был точен в своих движениях, всегда играл щечкой, ну и пыр не забывал.

— А по-моему, он с пыра больше любил пробить, а это всегда непредсказуемо.

— Да, помню, как я одному из вратарей забил с пенальти, и тот сказал: «Ну, что я сделаю — пушка такая!»

Смех вновь оживил беседу.

— Что это вы прошлый век решили вспомнить?

— Золотой век!

— Да старость просто.

— Какое шикарное детство!

— Лучшее!

***

Я снова поселился на подоконнике Никиты на специальной подставке и теперь четко могу сказать, что, пока в чьих-то глазах ты часть мечты, у тебя есть сила лететь. Даже если

для этого нужно получить мощный пинок веры. Возможно, именно в этом и есть главная суперсила жизни.

Анна Голованова.
КАНОЭ ДЛЯ ДВОИХ

Мы общались уже несколько недель, но я до сих пор не знала, как он выглядит. Странное дело: без фотографии тридцатитрехлетний Роберто из Турина казался мне даже интереснее. Он рассказывал, что работает бухгалтером в автомобильной компании, любит путешествовать и имеет laurea — итальянский диплом о высшем образовании. Эта деталь произвела на меня особенно сильное впечатление. К тому времени я уже третий год учила язык с преподавательницей из Италии и знала, что итальянцы с laurea встречаются не на каждом шагу.

Мне нравилось болтать с ним обо всем на свете, и наши разговоры в ICQ незаметно стали неотъемлемой частью моих офисных будней.

Приближалось лето. Я уже потихоньку мечтала об отпуске, и как-то под конец рабочего дня Роберто неожиданно предложил:

— А поехали в Ардеш?

«В Ардеш? — подумала я. — Глупость какая!» Посмотрела на капли дождя за окном и выключила компьютер.

Но в метро по дороге домой слово «Ардеш» продолжало

крутиться в голове.

«А что, если?» Только вчера начальник напомнил: в июне мы едем на «Vinexpo-2005» во французский Бордо. Впервые за два года работы в этой фирме мне предстояла командировка.

«Может быть, сразу после нее махнуть в Ардеш? Даже билет на самолет специально покупать не нужно».

В нашей маленькой компании, торговавшей дорогим импортным вином, жизнь текла неторопливо. Сотрудникам хватало времени и на личные дела. Моя коллега Танюха — единственная из нас, кто хоть что-то понимал в информатике, — установила на мой офисный компьютер ICQ — мегапопулярную тогда программу для мгновенного обмена сообщениями, которую в России ласково прозвали «аськой». Формально она была нужна для работы. На деле же это открыло мне целый мир общения с иностранцами.

Чаще всего мне попадались итальянцы. Переписываться на их красивом языке было сплошным удовольствием, но я могла бы спорить на деньги, что после двух дежурных вопросов — как меня зовут и есть ли у меня *fidanzato,* то есть возлюбленный, — последует просьба прислать фото. Общаться вслепую итальянские мачо решительно не желали.

Фотография у меня, конечно, была — та самая, где я сидела вся красивая в задумчивой позе, — но отправлять ее первому встречному значило себя девальвировать. Я берегла ее для особого случая, который все никак не наступал. Ита-

льянские мужчины, не получив портрета, быстро растворялись в тумане. А я продолжала ждать своего принца.

Но с Роберто все было иначе. Он ни разу не попросил фотографию и этим сразу меня покорил. Я верила: если люди действительно интересны друг другу, фотография — дело десятое.

Утром следующего дня зеленый цветочек рядом с именем Роберто сообщил мне, что он в сети. Мы немного поболтали о пустяках. Про Ардеш речь не заходила.

Так прошла неделя, и я уже начала сомневаться, не померещилось ли мне это слово. Сама заговорить об Ардеше я не решалась: вдруг получится, что напрашиваюсь.

Поездка на выставку в Бордо становилась все более реальной, и в очередном разговоре я рассказала об этом Роберто.

— Если ты будешь во Франции этим летом, может, действительно поедем в Ардеш?

Теперь настала моя очередь расспрашивать.

— А что такого в этом Ардеше? Почему ты решил позвать меня именно туда?

— Красивые ущелья, горная река. Можно взять каноэ и сплавиться вдвоем.

«Вдвоем», — отметила я про себя. Почему-то именно это слово мне особенно понравилось.

Следующие дни Роберто все чаще возвращался в разговоре к нашей поездке. Поначалу я считала ее красивой, но совершенно нереальной фантазией. Сплав по незнакомой ре-

ке с итальянцем из «аськи» — кому такое расскажи, решат, что я не в себе. Но чем больше мы об этом говорили, тем заманчивее становилась эта затея. Любопытство брало верх над осторожностью.

От меня требовалось только приехать. Обо всем остальном — палатке, спальных мешках, еде и прочих мелочах — Роберто обещал позаботиться сам. Он уже сплавлялся на каноэ в Ардеше и знал, что и как там устроено. Мы обсуждали детали и даты, но до конца поверить в реальность нашей встречи все еще не получалось.

Одна мысль не давала мне покоя: я так и не знала, как он выглядит. Сама я давно хотела отправить ему свою фотографию, но он ее не просил.

Я не боялась, что Роберто окажется некрасивым. В ту пору я считала: мужчине важнее быть умным, интересным и веселым.

Свидания вслепую тоже особо не пугали — такой опыт у меня уже имелся. Но одно дело — увидеться в Москве, где в любой момент можно сослаться на важную встречу и тихо слинять, а другое — провести четыре дня вдвоем в незнакомом месте. Тут фотография все-таки была необходима.

— Роберто, а когда ты пришлешь мне свое фото? — спросила я у зеленого цветка.

Экран долго молчал, потом выдал:

— Фото?

— Да. Фото.

— У меня нет фото.

— Как это нет фото? — удивилась я. — Ты же бухгалтер в солидной компании, а не отшельник в горах. Неужели тебя никто никогда не фотографировал?

— Я не люблю фотографироваться.

— Так не бывает, чтобы у взрослого человека совсем не было фотографий!

— Они все старые или неудачные.

— Мне все равно какая.

— Ладно, я попробую что-нибудь найти.

Мы продолжали обсуждать поездку как старые знакомые, но даже неделю спустя фотографии я так и не получила.

Однажды Роберто написал: «Убедись, что в эти дни у тебя не будет месячных». Я уставилась в экран. Про месячные я и сама все понимала, но сразу не нашлась, что ответить. Роберто совершенно спокойно обсуждал со мной вещи, о которых многие мужчины постеснялись бы заговорить. И тем удивительнее казалось его упорное нежелание прислать фотографию.

«Может, я и правда совершаю глупость? Как ехать в путешествие с человеком, который ведет себя так загадочно? А главное — почему?»

Перед самым обедом я выдвинула Роберто ультиматум:

— Я пошла обедать. Если через час не получу фотографию, никакого Ардеша не будет.

Через час меня действительно ждала фотография — ма-

ленькая и довольно мутная. В офисе у окна стоял какой-то человек, но разглядеть его лицо можно было весьма условно. Устраивать скандал не хотелось: формально условие выполнено, и я засчитала Роберто его снимок.

Неожиданно компания оплатила мне не только билет на самолет из Москвы до Бордо, но и поезд из Бордо до Лиона. Я взяла неделю отпуска после выставки, но о встрече с Роберто никому не сказала. Коллегам наплела, что заеду к старинному приятелю в Лион.

Приятель в Лионе у меня в самом деле имелся. Мы давно расстались, но сохранили хорошие отношения. Если с Роберто что-нибудь пойдет не так, я могла рассчитывать на его помощь. Правда, очень надеялась, что обращаться к нему не придется. Он был моим запасным вариантом. На крайний случай.

Выставка закончилась. Утром в пятницу я попрощалась с коллегами и села на поезд до Лиона. За окном мелькали французские пейзажи, а сердце колотилось быстрее обычного. Я прокручивала в голове разные варианты нашей встречи с Роберто. До этого дня мы существовали друг для друга только в виде строчек на экране. Через несколько часов Роберто предстояло стать не просто зеленым цветком, а настоящим человеком.

Встретиться договорились на вокзале Перраш. Роберто написал мне, что там проще припарковаться. Стоял теплый

июньский вечер, народу было немного. Каждый раз, когда в мою сторону направлялся подходящий по возрасту мужчина, я расправляла плечи, кокетливо вскидывала брови и внимательно всматривалась в его лицо, пытаясь угадать, не Роберто ли это.

— Анна?

Я обернулась.

Он неловко улыбнулся, быстро поздоровался и тут же отвел глаза. Ни один из вариантов встречи, которые я успела себе представить по пути из Бордо в Лион, не предусматривал, что через пять минут мне станет так жалко саму себя.

Чуда не произошло. Роберто мне не понравился. Лысоватый, в очках — но дело было даже не во внешности. Он казался скованным, словно заранее боялся сказать или сделать что-нибудь не так.

— Ну что, поехали? — Его голос прозвучал мягко и доброжелательно.

Я коряво улыбнулась, пытаясь изобразить радость от встречи. Получилось не очень. В ICQ в такой момент я могла бы просто закрыть окошко и больше ничего не объяснять. Один клик мышки — и разговор закончен. А здесь передо мной стоял живой человек. Не говорить же ему: «Извини, ты оказался не таким, как я себе представляла»

Я приехала. Он приехал. Вещи в машине.

За неловкой беседой мы дошли до парковки. Роберто открыл дверь зеленого «Фиата», положил мой огромный че-

модан на последнее свободное место в безупречно организованном багажнике и с надеждой посмотрел на меня.

«Эти четыре дня будут слишком длинными…» — подумала я, садясь на пассажирское сиденье.

К поездке Роберто подготовился основательно, будто собрался не в туристический поход, а в настоящую экспедицию: привез палатку, спальные мешки, еду на несколько дней и еще целую кучу необходимых вещей.

Мы поровну заплатили за прокат небольшой двухместной лодки. Во время сплава наши вещи должны были храниться в закрепленных на носу и корме пластиковых баках с закручивающимися крышками. Казалось бы, чего тут думать: положил туда одежду, спальник, еду — и поплыл. Но Роберто знал, что вода может просачиваться внутрь даже через плотно закрученные крышки, поэтому привез водостойкий скотч.

«Не случайно он выбрал профессию бухгалтера. Надо же быть таким педантичным!»

Мы расположились в двух шагах от знаменитого Понд'Арка — огромной каменной арки, под которой начинался наш завтрашний водный маршрут. Вживую она оказалась еще внушительнее, чем на фотографиях. Трудно было поверить, что эту причудливую конструкцию создала природа, а не человек. День был теплым, вода прохладной и прозрачной, вокруг — ни городского шума, ни суеты, только скалы, увитые яркой, еще не выгоревшей зеленью. Мне сразу захо-

телось поплавать под гигантским мостом.

— Как здесь классно! — не удержалась я от восторга. — Искупаемся?

— Сначала палатка, — спокойно ответил Роберто.

Он достал аккуратно сложенные детали, с ходу разобрался, что к чему. Я была у него на подхвате, хотя ничего не смыслила в палатках. В четыре руки мы управились очень быстро. Даже слишком быстро — до ужина оставалась еще уйма времени.

«И зачем мы так торопились? В июне все равно темнеет поздно».

Купаться Роберто со мной не пошел — остался хлопотать по хозяйству, а я тем временем вдоволь наплавалась под сводом Пон-д'Арка.

Когда я выходила из воды, то заметила, что одна из моих новых сандалий уже болтается на честном слове.

«Сама виновата».

Роберто велел мне взять обувь, которая не слетит в воде. У меня такой не было, и я купила в московском ларьке дешевые китайские сандалии.

Роберто быстро оценил ситуацию:

— В такой обуви сплавляться нельзя. Поехали в город, там что-нибудь найдем.

— Что мы там найдем вечером?

— Посмотрим.

Валлон-Пон-д'Арк встретил нас курортной суетой и приятным теплом уходящего дня. Жара уже спала, и улицы заполнились туристами — те неспешно гуляли, разглядывая сувениры на прилавках, сидели на открытых террасах, смеялись, ели мороженое. После тишины нашего лагеря здесь было непривычно оживленно.

Роберто зашел в первый попавшийся магазин и выпросил у продавщицы большой степлер. Взял сандалию и скрепил порванное место. Получилось не очень красиво, зато прочно. Больше сандалия меня не подводила.

На местном рынке ремесленников я купила себе крохотную черную кожаную сумочку. Она потом еще много лет была со мной и неизменно напоминала мне об Ардеше.

На обратном пути Роберто остановил машину у рекламы придорожного ресторана и спросил:

— Здесь не слишком дорого. Тебя это устроит?

«Как это — „тебя устроит“? Мне не послышалось? Он предлагает мне самой заплатить за ужин? Какое странное у него представление об ухаживаниях! Где итальянская галантность?»

До этого момента я еще собиралась дать Роберто шанс. Он был на испытательном сроке, но теперь стремительно терял последние очки.

Разумеется, я могла заплатить за себя, дело не в этом. Просто первое свидание, в моем понимании, подчиняется священным правилам: мужчина должен угостить женщину,

даже если для этого ему придется продать почку. Шучу. Но примерно так я тогда и думала.

В ресторан мы в итоге не пошли — поужинали у палатки. Но осадочек остался. Похоже, Роберто совсем не собирался ухаживать за мной так, как я ожидала.

Ночью в палатке мы лежали рядом. Было жестко, тесно и неудобно. Я уже почти засыпала, когда Роберто придвинулся ко мне и что-то зашептал на ухо. В темноте я едва различала его лицо, но чувствовала дыхание совсем рядом.

Я напряглась. «Неужели он решил, что это и есть ухаживание?»

Мне хотелось только одного: чтобы меня оставили в покое и между нами снова появилась дистанция. Я совершенно однозначно дала понять, что продолжения не будет. Роберто сразу отступил.

Для себя я на этом все решила: никакого романа у нас не получится.

Зато впереди был Ардеш. За следующие два дня нам предстояло пройти по реке тридцать два километра. При желании можно уложиться и в один день, только зачем? Здесь никто никуда не спешил, и мы решили не выбиваться из общего ритма.

Утром река возле Пон-д'Арка пестрела лодками самых разных цветов. Яблоку негде упасть. Местами казалось, будто мы попали на оживленную магистраль — только вместо

машин вокруг были каноэ.

Мы тоже взялись за весла. Роберто сел сзади, я — впереди. Поначалу грести было непривычно: мое весло то и дело норовило уйти слишком глубоко под воду. Но постепенно мы приноровились друг к другу — гребок за гребком каноэ послушно скользило вперед. Время от времени Роберто что-то говорил мне по делу, я отвечала, и мы снова замолкали, сохраняя при этом очень серьезный вид.

Иногда лодку несло течением, и я откладывала весло и просто смотрела по сторонам. Ардеш был прекрасен. Солнце стояло высоко, вода сверкала, известняковые стены поднимались по обе стороны ущелья, а ярко-зеленые кусты цеплялись за скалы.

Вокруг нас плыли десятки таких же отдыхающих. Кто-то лениво греб, кто-то подставлял лицо солнцу, кто-то причаливал к берегу и тут же бросался в воду.

Я тоже старалась наслаждаться. В конце концов, я проделала такой длинный путь не для того, чтобы скучать в компании Роберто.

Иногда спокойное течение сменяли пороги. На одном из них я и глазом моргнуть не успела, как лодку резко качнуло и она перевернулась, увлекая нас под воду. Несколько секунд невозможно было понять, где верх, где низ. К счастью, спасательный жилет тут же вытолкнул меня на поверхность. Моя скрепленная степлером сандалия осталась на ноге, а вещи в пластиковых баках — сухими. Тут я мысленно сказала

Роберто спасибо за его предусмотрительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.